

Л.Г. Кришталева

младший научный сотрудник ИФ РАН

e-song@yandex.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ МЕТОДА: ЧТЕНИЕ 1-3 ЛЕКЦИЙ В.В. БИБИХИНА «ЛЕС»

При рассмотрении первых трех лекций из курса В.В. Бибикина «Лес» мы можем определить, как философ понимает человеческую природу. Его взгляд основывается на философских и религиозных традициях, при этом всегда сохраняя новизну и оригинальность. Вслед за Аристотелем Бибикин ищет специфику человеческой природы, используя понятия «автомат», «ближайшее», «двойник», «Бог», «свобода», «взгляд» и «молитва», «закон» и «благодать», «доля» и «хватка». В.В. Бибикин доказывает, что существуют структуры, встроенные в само бытие человека, такие как автомат, закон, «человеческая природа». Однако осуществление человеческой природы как "автоматического" стремления к спасению ничем не обеспечено. В этом заключается парадокс неопределимости человека.

Ключевые слова: Бибикин, апория, внимание, молитва, автомат, двойник, свобода, предстояние, ближайшее

Reading the first three lectures "Forest (hyle)" by V. Bibikhin we can define how the philosopher understands the human nature. His point of view rests on philosophical and religious traditions but nevertheless is new and original. Following Aristotle V. Bibikhin is searching the specific of the human nature using concepts "automatic", "the nearest" and "twin", "God" and "freedom", "regard" and "prayer", "law" and "grace", "share" and "grasp". The philosopher says that there are structures incorporated in the human being named also as automatic, law, human nature. However actualization of human nature as "automatic" aspiration for salvation is not guaranteed. That is the paradox of the indefinability of the man.

Keywords: Bibikhin, aporia, attention, pray, automaton, twin, freedom, prosthesis, nearest

В обсуждениях текстов В.В. Бибикина вслед за глубоким согласием или, напротив, словами резкого непонимания и отрицания, нередко слышатся слова удивления по поводу того, как они написаны. В данном случае речь идет вовсе не о широчайших познаниях автора и его невероятной эрудиции. Бибикин — философ, и читают его тоже философы, профессионально знакомые с темами, которые затрагиваются в его текстах; знакомые с теми великими мыслителями, которые всегда задействованы, помогают его работе. Однако результат такого чтения всегда оказывается неожиданным. Читатель в ступоре застывает перед простым и смелым ходом, внезапно распахивающейся перспективой и спрашивает — как человек думает, чтобы прийти к такой освобождающей простоте, как случайными словами вдруг приоткрываются завесы вечных тайн. Интересно понаблюдать, как думает великий мыслитель, исследовать те дороги, которыми он всегда приводит нас к открытию.

Задача и метод этого исследования очень просты — постоянно ставить вопросы. Насколько хватит нашего внимания их замечать. Почему философ говорит то, что говорит, почему именно это,

а не другое, почему именно в данном месте и почему вообще говорит? Получается, что чтение Библихина под вопросом? Что можно узнать из текста, как его читать, если все (желательно все) подвергать пристальному рассмотрению? Спросим иначе: почему все время хочется ставить вопросы? Не потому что говоримое философом вызывает сомнения. Наоборот, оно обладает простотой убедительного и прозрачностью очевидного. Но, удивительным образом, именно последняя ясность делает текст непрístupным и вызывает желание понять – как, как это написано, как увидено. Почему хочется увидеть это «как»? Чтобы настроить свою оптику и видеть то же или видеть так же?

Означает ли сказанное, что мы вольно или невольно переносим свое внимание с «что» на «как»? Этому движению мысли, этому действию сразу найдется готовое обоснование: ведь есть такие знакомые философские рубрики – методология, гносеология. Но в данном исследовании мы не хотим или не можем хвататься за чужую мысль как за готовую. Почему? Что (или как) показано философом, что (или как) увидено им (а потом и нами), благодаря чему нельзя брать ни одну мысль как готовую, в том числе и его собственную? И свою - тоже. Ответ мы легко находим в текстах: разбор, Библихин обычно говорит: разбор завалов. Но ведь обычно происходит противоположное: мы рождаемся в готовых уже построенных домах, едим приготовленное самой природой материнское молоко, слушаем старые сказки и так далее и пошло-поехало. В общем, становимся на готовые рельсы. Разбору противоположно собирание. Библихин любит напоминать, что столь важное для европейской цивилизации слово «слово» – «логос» происходит от греческого *legein*, «собирать». Слово собирает и разбирает, слово само должно быть разобрано – обычно словом же. Слово, говорит Библихин, – вещь и дело, но бывает и свалкой, завалом, конструкцией.

Вопросы не перестают возникать: всякая ли мысль, слово требует разбора, есть ли предел такого разбирательства, когда и почему останавливаемся (а мы не можем не остановиться), решая, что вот наконец докопались до прочного основания, дошли до предела, Библихин вслед за Аристотелем бы сказал – до начал. Дошли до того, что не подлежит дальнейшему разбору? Докопались до основания, чтобы на него опереться и идти дальше? Куда? Почему вообще надо куда-то идти? Зачем опираться?

На все эти вопросы невозможно ответить с ходу. От такой неопределенности возникает паника: как думать, как при постоянном вопрошании вообще можно сдвинуться с места. Если быть честными перед своей мыслью, то сдвинуться с места действительно невозможно¹: бесконечная перспектива вопросов ставит нас в тупик. Однако мысль не может не двигаться. И тексты Библихина лучший тому пример. Скорость, с какой развивается его рассуждение, захватывает. Но как бы глубока и афористична не была отдельная мысль или место в тексте – В.В. сравнивает мысли с открывающимися пейзажами, и есть такие, среди которых хочется остановиться, полюбоваться или даже остаться² – интереснее после такой передышки продолжить следить за ходом рассуждений философа. Тем более, что нас интересует не добровольная, а вынужденная остановка, когда нет хода – не завал, а обрыв мысли, тупик.

(Апория.) Мы зашли в тупик. С одной стороны, двигаться нельзя (непонятно куда, зачем), с другой стороны, мысль не может не двигаться. Если не сорваться, не отступить, не рвануть в сторону, схватившись за первое попавшееся ради самоуспокоения, например, готовую рубрику (В.В. часто предостерегает от этого), мы заметим очень простое, прозрачное, пустое – собственное внимание. Мысль без слов. Она не движется, но и не остановилась. Длится. Непрерывно действует.

Когда, замороженно застыв (на час или на миг) в молчании мысли, смотрим на что-то (красивую

¹ В связи с этим вспомним Сократа: «Как-то утром он о чем-то задумался и, погрузившись в свои мысли, застыл на месте, и, так как дело у него не шло на лад, он не прекращал своих поисков и все стоял и стоял. Наступил уже полдень, и люди, которым это бросалось в глаза, удивленно говорили друг другу, что Сократ с самого утра стоит на одном месте и о чем-то раздумывает. Наконец вечером, уже поужинав, некоторые ионийцы – дело было летом – вынесли свои подстилки на воздух, чтобы поспать в прохладе и заодно понаблюдать за Сократом, будет ли он стоять на том же месте и ночью. И оказалось, что он простоял там до рассвета и до восхода солнца, а потом, помолившись солнцу, ушел» (Пир. 220 а—с).

² Здесь в пору вспомнить о слове «эпоха», которое В.В. не раз сопоставляет с феноменологическим «эпохе».

*Л.Кришталева Феноменология метода:
чтение 1-3 лекций В.В. Бибихина «Лес»*

картину или автомобильную аварию, случайными свидетелями которой стали), мы получаем впечатление. (Конечно, хочется спросить: что впечатывается, как – но остановимся, чтобы продолжать спрашивать о другом.) Сейчас, когда мы смотрим не на картину или аварию, а вглядываемся в свое внимание, что впечатывается, что происходит? На первый взгляд, ничего. Мы видим, что нам видно, и что это дар! Потом мы замечаем, что за пустоту и прозрачность заглянуть уже нельзя – взгляд отражается обратно в мир, обратно в себя. Не удастся увидеть: как это – не видеть, ничего – даже внутренним взором, не видеть даже темноту. Мы всегда что-то видим – совершенно не видеть, что не видишь, невозможно. Этим парадоксом мы едва успеваем коснуться – проскальзывает неуловимо – то, что нам не видно, другое и нам и миру. Увидеть это не удастся, а только едва зацепить логикой, пониманием. Оно другое так, что показывает, как мы впечатаны, слиты с миром.

Все! Дальше хода нет – мы дошли до границы наших возможностей, нашего видения. Мы искали опору для своей мысли – последнее (или первое) основание для умозаключений. Дойдя до такого предела, до этой черты, удалось ли нам обрести надежную почву под ногами? Например, истинное суждение, из которого можно делать умозаключения, выводить следствия? То, что увидено, свидетельствует, что предел бесконечному вопрошанию – простой и наглядный – все-таки есть. И этот ответ – недоумение и ступор, в котором мы застываем. Предел определен самим нашим конечным существом. Ступор, апория – ответ, который человек дает всем собой как целым конечным существом, своим бытием, своим присутствием в мире.

Парадокс, бесконечность, противоречие обрывают мысль, ставят ее в тупик. Ясно, что мы находимся в ситуации апории, о которой так часто говорит В.В. Бибихин, – там, где нет прохода. Вынужденная остановка, провал и пустота, предел и бесконечность, задержка внимания, феноменологическое эпохэ. Какой пейзаж открывается здесь? В.В. считает, что греки не пытались придумать механизмы для усиления возможностей своего глаза, потому что им не нужен был ни микроскоп, ни телескоп. Уже, сразу им было видно: куда ни глянь, и в ту и в другую сторону – бесконечность. Понимание, что усилия увидеть больше там, где провал, где раскрывается бездна, совершенно бесполезны, – это понимание есть следствие опыта апории, предельного опыта. Иными словами, урок школы апории чисто отрицательный: запрещено углубляться в провал, не надо ничего предпринимать, впрочем, как и отступать. Следует стоять на месте? Кто-то возразит: стоять на месте – все-таки какое-то действие. Тело тратит на это немало калорий. Труд особенно ощущается, когда стоишь без движения долго.

(Внимание.) Деятельность ума прекращается, мы просто стоим и смотрим³. Ключевой момент – удерживать подвижный ум в покое именно там, где он не срабатывает, где механизмы мысли ломаются, пробуксовывают. Не давать обогнуть сложное место. Апория показывает, что ум должен остановиться, заметить свой предел. Сама апория и есть место остановки. Совершаем ли мы насилие, останавливая подвижный ум? Нет, в той мере, в какой сначала сами чутко и послушно подчинились. Чем удерживаем мысль в покое, природа которой – движение, деятельность? Честным желанием понять, вниманием. Пожалуй, именно это Бибихин и называет школой. Школа апории учит нас не предпринимать судорожных действий, не убегать от раскрывающейся бездны, смиренно вглядываться – даже не надеясь вырваться из ловушки для ума⁴.

Миф, согласно структуралистской теории, встраивает человека в мир и тем самым примиряет. Описано, как он ослабляет напряжение между жизнью и смертью, заслоняя их другими менее задевающими противопоставлениями, например, сырого – вареного. Попросту говоря, отводит внимание. Апория наоборот сталкивает в лоб, показывает непонятное как непонятное. Благодаря этому в ситуации апории происходит важное событие: сдвиг внимания – мысль замечает самое себя.

³ И дышим – мы же не можем не дышать. Дышим – и постепенно успокаиваемся (после паники).

⁴ В.В. любил цитировать гегелевский афоризм, гласящий, что заштопанный чулок лучше, чем разорванный, не так с самосознанием.

Хочется продолжить: и замечает, что замечает! Это наблюдение открывает перспективу. Однако в дурную бесконечность отражений далее, чем на три шага обычно не продвигаются: вижу – замечаю, что вижу, и – замечаю, что замечаю, что вижу. (Почему три?) Сдвиг внимания проталкивает нас еще дальше – к тому, чтобы заметить себя (в пустоте, как пустоту).

Стояние в апории интересно сравнить также с сидением в медитации. И там и там человек сознательно останавливает движение мысли, но в случае восточной медитации это происходит не вынужденно, не имея в виду препятствие. Останавливаются как бы расслабленно, заранее зная, что останавливаться нужно – ради опыта покоя как такового. Для чего нужен покой восточному человеку – для того ли тоже чтобы заметить себя? В принципе не-деяния чего больше – распускания или наоборот собирания человеком себя, о котором мы читаем у Бибихина?

В таком сравнении можно было бы узнать много важного и интересного, но продолжим. Бесконечность. Открыта для человека. Впускающая перспектива соблазнительна как приглашение к бессмертию. Однако завораживающую даль бесконечности человек пройти не может. Иметь дело с бесконечностью согласно своей природе человеку возможно иначе – например, с помощью формулы. Тем не менее, хотя пройти бесконечность нельзя, вход в нее как последовательность шагов обманывающе легок. Любой может начать считать от одного до... Комфортная для ума успокаивающая понятность и предсказуемость каждого последующего шага затягивает, как в лунку. Заметить бесконечность как черту и остановиться – другое дело! Только в этом случае появляется шанс найти формулу, решение – и устоять перед бездной.

Почему перед бездной надо устоять? Может быть, это еще один культурный штамп? У В.В. Бибихина в «Лесе» мы читаем, что он готов головой в омут. А однажды на одной из лекции сказал, что прежде, окажись он на берегу, не умея плавать, то не поплыл, а теперь бы поплыл. Абсурдное, бессмысленное действие! Современный немецкий художник Гюнтер Юккер, похоже, тоже не считает нужным удерживаться перед бесконечностью. Много лет назад в Москве на Крымском валу проходила его выставка. На большом полотне Юккер написал цифры, начиная от единицы – последовательно, убористо, аккуратно, нудно. Сколько хватило холста... Но ведь все равно это же не бесконечность, скажет кто-нибудь! Помимо формулы против дурной бесконечности есть более простой и обыденный аргумент. Даже неловко назвать это аргументом. Мы не сможем считать до бесконечности – через какое-то непродолжительное время захочется выпить воды, что-то перекусить, потом поспать... И все-таки дисциплинированный человек, видящий в этом определенную цель, может заставить себя считать, скажем, пережевывая еду, сидя на работе, – считать постоянно, ежеминутно, ежесекундно. Да, но сон все-таки прервет счет.

(*Молитва.*) В первых главах «Леса» мы читаем об опыте непрерывной молитвы, переданном в книге «Откровенные рассказы странника». Произнесение неизменной фразы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного» – может достигаться и во сне. Так повторять удастся благодаря «[...] предельности того, чего он [Странник] хочет, божественности всего себя, и сонного тоже: “Надо непрестанно молиться, всегда, на всякое время, на всяком месте, не токмо при всех занятиях, не токмо в бодрствовании, но даже и во сне. Аз сплю, а сердце мое бдит”»⁵. Сомнительное сравнение бессмысленного счета и горячей молитвы о спасении. Однако нельзя не признать: сходство, действительно, есть. Но удалось бы дисциплинированному, подготовленному либо просто целеустремленному человеку и во сне считать, продвигаясь внутри холодной, или во всяком случае, нейтральной бесконечности? Ведь Иисусовой молитвой движет любовь – В.В. Бибихин обращает внимание на то, что Странник цитирует Песнь Песней. Ответить на вопрос нельзя. Нет, конечно, можно, если пережит такой опыт. Опыт – еще одна граница нашего ума – другая апория.

Спросим: действительно ли результат нашего упрямого и спокойного стояния в апории чисто отрицательный? Понятно, что кругом одни вопросы, куда идти – непонятно, да и вообще нужно ли. С какого места не начни – дойдешь до апории. Но, если оглянуться, результаты, на самом деле, есть,

⁵ В.В. Бибихин. «Лес». СПб, 2011. С. 36. Далее в сносках указывается только название книги и номер страницы.

*Л.Кришталева Феноменология метода:
чтение 1-3 лекций В.В. Бибикина «Лес»*

и они существенные. Что-то давно знакомо – Платон писал об этом: все нам уже дано, все нам почему-то каким-то образом известно – достаточно только обратить внимание⁶. Но это малое «только» тоже не измеряется усилием, не поддается напору, как и апория. Им дается «все» – легко, потому что «все» уже в нас есть. Что нас держит, чтобы обратить внимание, обратиться? Куда поворачивает нас внимание? Внимание поворачивает нас к тому, что даже само наше внимание – нам дано, дается, хотя и кажется неотъемлемо нашим. У всех есть опыт, когда нашим вниманием управляют, манипулируют, когда мы управляем своим вниманием, манипулируем собой. Но для того, чтобы внимание было подлинно нашим, приближая нас к самим себе, надо позволить ему управлять нами. Заметить, что наше внимание нам дано, и быть ему послушными, принять данное (как данное, как свое, которое требует быть присвоенным) – легкая и такая трудная задача, опыт.

Внимание дает возможность видения, дает видение, которое тоже нам заранее дано. Дает то, что дано? Этот вопрос показывает: все наши связи с тем, что нам дано, очень гибкие, зыбкие, настраиваемые, требующие ответного действия, осуществления. Без внимания удивительным образом мы смотрим, но не видим, слушаем, но не слышим. Бибикин приводит возражение, чтобы видеть нечто (в данном случае лес) как святое и тайное, нужен искусственный, подготовленный взгляд. И тут же отвечает: «Но кажется видение леса иначе, чем хозяйственно и эстетически, [то есть как святое и тайное – Л.К.] не требует подготовки, хотя заслонено тем “привычным” и бывает редко»⁷. (Мы знаем, что пифагорейцы в отличие от нас умели видеть число как полную смысла тайну мира.) Иными словами, искусственность (школа?) и готовность (такая, что не требуется подготовки видеть) означает только лишь (!) отсутствие преград видению – например, привычек. Но где найти человека без привычек? Нет такого – разве что младенец. Хотя если разобраться: рефлексы – те же привычки. Поэтому «только обратиться», «только заметить» и «только лишь отсутствие привычек» – одновременно легкое и очень трудное, абсолютно доступное (потому что данное) и недостижимое заслоненное, естественное и насильственное (принудительное). Школа опыта аперии убирает заслонки, открывает видное – то, что заранее дано нам как видное. Немного ниже философ говорит: «Я приглашаю посмотреть, увидеть [...] Лучше вести себя как хорошие феноменологии и списывать, считывать с того, что есть здесь и сейчас»⁸. Иными словами, бибикинская феноменология – это приглашение видеть, обращать внимание именно и только на то, что уже есть, дано нам. А вот разбор делать нужно, чтобы видение не было заслонено. Создавать конструкции запрещено по той же причине – мешают смотреть⁹. Главная же задача – обращать внимание на то, что есть здесь и сейчас, что дано – по обе стороны глаза. «Мы имеем дело только с тем, что есть сейчас, составляет нашу феноменологию»¹⁰ – можно ли из данного высказывания сделать вывод: то, что здесь и сейчас, включает и нас самих? Да. И мы уже это наблюдали, говоря, как мы слиты с миром. Даны миру, и мир дан нам.

Почему мы должны послушать философа и смотреть на лес (или, скажем, число, вслед за пифагорейцами) как на святое и тайное, а не эстетически или практически? Молиться лесу? Бибикин приравнивает молитву вниманию. Лесу посвящена целая книга, где много внимания уделено лесу. Значит ли это, что философ молится лесу?

Молитва – внимание. Удивительное утверждение. Своей неожиданностью приглашает задуматься. А можно ли, наоборот, внимание назвать молитвой? Спросим иначе: есть ли что-то общее между ними? Прежде всего в глаза бросается различие. (Различие заслоняет тождество?) Мы говорили, что стояние в аперии дает нам опыт внимания как такового, опыт внимания к вниманию. Позволительно ли соотносить апорию с Богом (или богом)? Но ведь так всегда и делали. В апофатическом богословии о Боге говорят именно парадоксами, антиномиями, противоречивыми

⁶ В.В. формулирует это так: «[...] Нам не надо смотреть дальше чем в нас самих». «Лес». С.42.

⁷ «Лес». С.21.

⁸ «Лес». С.24.

⁹ А неправильные связки, по словам В.В., мешают нести бремя Христа. «Лес». С.29.

¹⁰ «Лес». С.24.

высказываниями, указывающими на Его неприступность и ограниченность человеческого познания.

С другой стороны, когда мы стояли в ступоре перед апорией, разве это было похоже на молитву, разве там была просьба? Кажется, мы никого ни о чем не просили и с какого-то момента даже не спрашивали. Мы привыкли к тому, что молитва – это призывание Бога, чтобы Он пришел, выслушал и выполнил просьбу. Молитва – это просьба? Мы привыкли к тому, что, да, просьба.

К Богу человек приходит с просьбой, а к апории нас приводит вопрос. Чем схожи и чем отличаются друг от друга просьба и вопрос, «просить» и «спрашивать»? И там и там внимание человека к чему-то устремлено, направлено. И там и там есть нужда. И там и там человек ждет, что ему что-то дадут – помощь или ответ. У самого человека нету? Чего-то не хватает? Или дано так, что надо еще суметь получить? Можно ли сказать, так же как в ситуации с вниманием-видением, помощь Бога дает нам то, что и так уже дано, дает данное? Похоже, что да. Какая странная ситуация человека: нам еще только надо суметь получить то, что у нас всегда уже есть.

(Предстояние.) Интересно, В.В. Бибахин не сообщает своему читателю, что одно из древнегреческих слов (*proseukhe*), которое переводится на русский как «молитва», первым значением имеет «внимание». Зная это, было бы легче согласиться с философом. Действительно, как много общего между вниманием и молитвой! Теперь, после нашего стояния в апории, где мы многое заметили и пережили, уверенно можем так сказать. В обоих случаях есть предстояние. Бибахин говорит: «Чистое предстояние, как раздетость, перед Богом не в одежде»¹¹. И мы обнажились – увидели (и показали) собственную немощь, бессилие, слабость ума, конечность, так влияющую на наши действия, зависимость мысли от желания (хочется остановиться)... Приняли все это и, когда приняли, остановились, замерли, остановили мысли – те, которые со словами. Все правильно сделали – у Бибахина читаем: «надо мыслью молчать»¹². Молитва – внимание – молчание. Значит ли это, что молитва – не просьба? Либо молчаливая просьба? Просьба такая, что ничего не просят? Мы видели, что и вопрошание, приведшее к апории, не ищет ответа, хотя сохраняет интенцию, стремление, желание получить ответ. То есть структура в обоих случаях продолжает действовать, проявляя, актуализируя себя как таковую. В этом важном опыте мы видим чистую структуру – видим, что она есть и нам дана.

Молитва – просьба. Молитва – внимание, а не просьба. Противоречие. В тексте Бибахина мы тоже найдем противоречие. Он говорит, что закон человеческой природы – забота о своей доле, о богатстве, внимательная осторожная хватка¹³. А несколькими страницами ниже: «[...] Человек [...] охвачен ежеминутным вниманием к спасению или гибели, и это уже перемена, которую он предпочтет любой доле». А потом спросит и тут же ответит, опираясь на опыт Странника, который, заботясь о молитве, потерял все, даже самое малое и необходимое имущество: «[...] Взамен приобрел что-то одно драгоценное? Так мы привыкли думать, но похоже, что неверно. Правда похоже в том, чтобы уступить, как бы упустить вообще все. Но хоть что-то держать в руках, чтобы иметь для поддержания жизни? Нет, ничего, и если жизнь продлится, то милостью и собственно чудом». На примере Странника, обретшего постоянную ежесекундную самодвижную молитву, философ показывает: «человек может так ни за что не цепляться»¹⁴. С одной стороны, забота, закон, хватка, доля и богатство. С другой стороны, благодать, внимание вместо доли, ни за что не цепляться, упустить все... До самодвижной молитвы человек заботой, хваткой все добывает себе сам – или просит, чтобы ему помогли, дали. Собретением постоянной молитвы жив только тем, что ему дается¹⁵.

¹¹ «Лес». С. 49.

¹² «Лес». С. 49.

¹³ Закон человека – «это забота о доле, [...] доля в смысле наделенности, а не обездоленности, богатства, а не убогости [...]», «*eulabeia*, осторожная внимательная хватка». «Лес». С.25, 26.

¹⁴ «Лес». С.37, 38.

¹⁵ «Но хоть что-то держать в руках, чтобы иметь для поддержания жизни? Нет ничего, и если жизнь продлится, то милостью и собственно чудом». «Лес». С. 38.

*Л.Кришталева Феноменология метода:
чтение 1-3 лекций В.В. Бибихина «Лес»*

Внимание-молитва тоже дается. Иными словами, молитва не как просьба, а как самодвижное внимание – это обретение того, что у нас и так уже есть, что нам уже изначально дано, и потому мы не замечаем. Важное действие – обратить внимание на внимание. Но сделать это трудно – внимание слишком укоренено в нас, слишком близко.

(Ближайшее.) В.В. Бибихин называет подобное ближайшим. Кроме внимания-молитвы ближайшим является также Бог, тело, сердце, ум. Сразу хочется спорить с философом. Если Бога нам порой трудно заметить как ближайшее, то тело мы не можем не замечать. Что имеет в виду В.В., говоря, что мы не замечаем свое тело как ближайшее, видя его так близко? Ответ находится быстро: тело как лес, как мировое вещество нам не подвластно¹⁶. Только обратив на это внимание и приняв, мы примиряемся с телом и замечаем, что ближайшее – наш двойник (близнец), причем со своей душой¹⁷. Философ подсказывает, как быть в ситуации раздвоения: тело надо отдать телу (так же как ум уму и т.д.), тогда двойник будет служить послушно и безотказно¹⁸. Иными словами, свое внимание мы принимаем как то, что дано, и затем отдаем себя вниманию (например, в апории). А свое тело, которое тоже нам дано, наоборот, надо отдать телу? В чем тут разница? Как тело отдать телу, если оно все равно мое?

Тело-двойник, говорит Бибихин, как волк в глубине леса (нашего природного тварного существа) набрасывается – на нас самих, конечно же¹⁹. То, что тело может быть злым волком, мы знаем, когда холод, жара, голод, жажда, болезни и т.д. Рядом мы слышим оправдание – «само тело умное»²⁰. Но ведь сказано, что ум надо отдать уму, тело телу, и развязать таким образом «недолжное связывание»²¹ ума с телом или ума с сердцем, сердца с телом. Как отличить недолжное связывание, например, ума с телом от умного тела? Тело, ум, сердце каким-то образом связаны между собой, и Богу, говорит В.В. Бибихин, надо предъявить себя такими, какие мы есть²². «Кстати о пользе философии: только из этого чистого предстояния может возникнуть – не сила, а пустота и мера удивления, изумления, из которой одной только могут быть обойдены, как от абсолютного исходного начала, любые привычки»²³. И тут же приводится совет Странника молиться и не трудиться, своею силою побеждать страсти. Привычки, страсти, недолжное связывание тела, ума, сердца – все это надо сначала обойти – или разобрать, распустить. А потом – правильно собрать?

Знакомая тема – уже говорилось о необходимости разбора завалов мысли, которые мешают видеть, мешают вниманию. В.В. предлагает привычки обходить, Странник – страсти побеждать. И то и другое – препятствия. Чем страсти и привычки отличаются от апории, которая тоже останавливает? Прежде всего тем, что апория – непреодолима, а эти – только кажутся таковыми. И значит, важно не упираться в страсти и привычки, не застывать перед ними как перед апорией или Богом. Иначе то, что только кажется непреодолимым, становится действительно таковым (вновь обратим внимание на обманчивую несущественность, легковесность этого «только»).

В каком смысле апория непреодолима? Как предел, граница человеческого. Задача – заметить и остановиться так, что остановка окажется не менее важной, чем путь. Определит путь. Почему перед границами общими для всех людей – апорией, законом, Богом – надо останавливаться, а перед теми пределами, которые мы сами себе создаем, – нет? Неправильные связки останавливают нас раньше, чем мы доходим до подлинного предела. Почему обязательно надо доводить себя до предела? А если не доводить – каковы последствия? В.В. говорит, что «мы дорого и по-разному платим за наше отсутствие там, где находится наша религиозная природа»²⁴. Иными словами, наша религиозная природа – у некоего предела, до которого еще надо суметь пойти.

¹⁶ «Лес». С.50.

¹⁷ «Это открытие двух стало возможно именно из-за их [человека и его двойника] прихода в согласие». «Лес». С.41.

¹⁸ «[...] Не мое, как деньги, тело, одежда. – Тогда тело, одежда, ум начинают послушно и безотказно служить». «Лес». С.35.

¹⁹ «Лес». С.41.

²⁰ «Лес». С.40.

²¹ «Лес». С.42.

²² «Человек говорит с Богом всем собой, какой он есть, своим бытием, своим присутствием». «Лес». С.43.

²³ «Лес». С.50.

²⁴ «Лес». С.42.

(Двойник.) Тело – лес и двойник. Но не только оно: «Телом, сердцем, едой, просто завтракая каждый день мы принадлежим лесу, мировому веществу. Предъявляя в непрестанной молитве себя какие мы есть, мы предъявляем себя лесных, наш лес. Как лес мы тварь. Но как предъявляющие, как чистое внимание [...] мы отделены от леса, мы божественны»²⁵. Если тело, сердце, ум, предъявленные во внимании-молитве и таким образом возвращенные им самим, безотказно служат божественному, зачем отделять их в двойников? Тем более, что Странник хочет божественности всего себя²⁶: [...] «В его [человека] существо входит [...] непрестанная, привязанная к дыханию, сердцебиению и пище, вошедшая в тело молитва, она же внимание»²⁷? Итак, божественный человек как внимание-молитва отделен от двойников и в то же время привязан к ним. Этот вывод мало что проясняет. Ответ В.В. Бибикина звучит загадкой: «Чистое внимание остается отдельной софией ни на что не похожей»²⁸. Но все-таки что-то, пусть несущественное, мы можем сказать, опираясь на это отрицательное утверждение: внимание, будучи ближайшим, как сердце, ум, тело, не попадает с ними в один ряд. Внимание не лес и не двойник? Похоже, да. И к тому же не двоится. Есть тело-волк и умное безотказно служащее, созданное Богом тело, сердце-страсть и сердце, в котором рождается самодвижная молитва, ум-темница и умное внимание. Весь интерес в этой разнице, говорит философ: «Надо различать»²⁹, то есть обращать внимание. Но само внимание в отличие от сердца, ума, тела не расщепляется, не двоится, не разнится. Оно либо есть, либо его нет: «Внимание прерванное вниманием быть перестает»³⁰. То есть чтобы быть таковым, собой, оно вообще должно быть – постоянно, непрестанно – как самодвижная молитва. Иначе плотно замещается другим: в вере, например, – ритуалом.

Мы узнаем, что появлению двойника сопутствует чтение мыслей. Об этом говорит Странник: «Ощущают своего двойника и проникают в мысли другого...»³¹. Как одно связано с другим? Мы читали: когда мое тело замечено мной как другое мне, как чужак (злой волк, говорит В.В.), а затем отдано телу же, благодаря вниманию с ним налаживается связь и потому оно начинает служить безотказно (становится верной собакой?), то есть перестает быть неприступным, становится понятным, собственно моим. Также происходит и с другими, не только с телом? Удивительно, но, похоже, да, так и происходит. Ведь любой человек в каком-то смысле мой двойник. У каждого есть ближайшее, тело, ум, сердце, внимание, закон, благодать. Каждый неприступен для меня так же, как тело (или ум, сердце), следовательно, каждый, любой – мне и чужой и свой, неприступный и прощаемый.

К чтению мыслей добавляется вещее видение. И то, и другое – проникновение, и то, и другое сопутствует появлению двойника у Странника. Речь идет о чудесах, когда видят свет, исходящий от вещей, или наблюдают внутренности (в смысле – органы своего тела). В «Рассказах Странника» написано, что слепой «видит» пожар за несколько верст³². Подобные чудеса кажутся далекими от нашей повседневности, хотя и происходят с нами каждый день, например, в моменты подлинного сопереживания или взаимопонимания. Мы их не замечаем, потому что это ближайшее.

Двигаемся по тексту далее. Видение связано с представлением: «Строжайший запрет на представление и воображение служит для того, чтобы высвободить другое представление и воображение, восстановить видение вещее»³³. Философ вслед за Странником различает представление и представление, одно из которых прелесть, соблазн – «представления в уме», «являющиеся виды», «воображения». Против такого нужно совершать строгое ограничивающее

²⁵ «Лес». С.50. В другом месте: «[...] Кого же выставляет молящийся? себя конечно сначала, говорящего я; потом своего ближнего, и кто ближе чем свое дыхание, сердце, странная неведомая но такая близкая вещь тело [...]. С.48.

²⁶ «Лес». С.36.

²⁷ «Лес». С.43.

²⁸ «Лес». С.47.

²⁹ «Лес». С.47.

³⁰ «Лес». С.52.

³¹ «Лес». С.41. И мы хорошо знаем об этом из Достоевского. Пример тому - история отношений Смердякова и Ивана Карамазова.

³² «Лес». С.40, 41.

³³ «Лес». С.40.

*Л.Кришталева Феноменология метода:
чтение 1-3 лекций В.В. Бибихина «Лес»*

действие – сохранять безвидье. Другое, высвобождаемое представление заключается в том, чтобы «найти умом сердце», вообразить, представить и потом смотреть на него сквозь грудную клетку, слушать, как бьется³⁴. То есть отвергаются те виды, которые приходят сами, чтобы самому смотреть на то, что нужно Страннику – на главное, ближайшее, на сердце, а не на то, что в него приходит. Это действие в молитве, забота о сердце, иначе говоря, внимание сердца к сердцу, аналогично деятельности в апории, где внимание направлено на само внимание. Это действие, эта забота – все та же хватка, владеющая человеком: монах цепляется вниманием за одно, благодаря этому концентрируется, сосредотачивается³⁵.

В опыте стояния в апории мы останавливали мысли со словами, чтобы ничто не отвлекало внимание от внимания. А в практике непрерывной молитвы запрещены виды, мешающие смотреть исключительно на сердце. Значит, как в ум приходят слова, так в сердце – виды? В уме должно быть молчание, в сердце – безвидье³⁶. Тогда ум отдан, привязан к уму, а сердце – к сердцу. И вот теперь, когда мы видим само сердце, а не те виды, которые в него сами приходят, теперь, когда разорваны старые неправильные связки (привязанность к видам-представлениям?), связываются новые – правильные? Одна из них: сердца – к сердцу. Похоже, дело обстоит именно так. Во всяком случае, с умом-вниманием, застывшем в апории, было так. Как все устроено, как разделено и связано!

Еще раз посмотрим на то, что происходит с нами, когда мы прислушиваемся к биению пульса, заглядываем в свое сердце. И заметим, что внимание ума, обращенное в сердце, становится видением. Правильная связь: устремлять внимание на сердце – тогда будет видение. Ум смотрит, сердце видит. И все происходящее – тайна.

Раньше мы говорили – апория, теперь скажем – тайна, чудо. Как апория превратилась в тайну? К ней что-то добавилось: сердечная теплота, радость, например? Откуда они взялись? Сказать, что все это эмоции – ничего не сказать. Что такое радость, сердечная теплота? Как ответить? Описать причинно-следственные связи, физиологические реакции, психологические закономерности? Все это будет результатом деятельности ума. Но почему все так, как есть, почему радость – это радость, именно такая вот, ум не объяснит – упрется в апорию (в опыт), как бы далеко не продвинулся в бесконечность объяснений. И вот теперь, когда ум перед апорией остановил свою деятельность, вошел в молчание, он освободил внимание, освободился, чтобы заглянуть в самую середину – в сердце. Благодаря этому оно сразу же становится умным. И вот это умное сердце, не умея находить причины (важно, чтобы и не искало – это дело ума, не надо неправильных связок), просто говорит, что есть так, как есть, и это хорошо, – примиряется, принимает. Мы уже знаем, что будет, что нам делать дальше: примирение – отделение двойника (моя радость как отдельное от меня, как радость сама по себе, такая, какая она есть) – проникновение, умное видение, иначе говоря, познание как рождение меня другого.

Что открывается при взглядывании в мою радость как не мою, отделившуюся? Все, что со мной происходит, все мое может быть отделено и увидено как не мое, как данное или как дар. И вот теперь человек по-настоящему оказывается обнажен: все мысли и чувства, отделены, вынуты и представлены. Перед кем? Сначала перед собой. А потом когда и сердце станет двойником, отделится – то предстанет перед тем, говорит В.В., кто является, в той мере, в какой является. Это может быть Бог, люди, важный и дорогой человек или сосед в купе поезда³⁷. Зачем человеку обязательно нужно себя представлять? Ответить на это так же невозможно, как и на то, почему человеку дано (внимание, сердце, тело, ум). Человеку дано – должен это выставить.

Еще раз: о сердце говорится, что оно видит, представляет. Представление себе и предстояние, то есть представление себя – какая тут связь? В молитве, чтобы представить себя Богу, нужно сначала представить себе сердце. Сердце, мы увидели, – это взглядывание, принятие себя таким, каков есть.

³⁴ «Лес». С.39.

³⁵ Цитируется Странник: «Когда мы сосредотачиваемся в самих себе, отвлекаемся от всего окрестного и утончаемся в уме, тогда душа входит в свое назначение и действует в высшей степени». Лес». С.40.

³⁶ «Лес». С.39, 49.

³⁷ «Феноменология: предъявление того что есть Кому? [...] Тому кто или что является, насколько является. Кроме этого предъявления – ничего не иметь в мысли». С. 50. «Лес». С.50.

И в этом примирении в очередной раз отделяется ближайшее – на этот раз сердце. И когда отделилось, человек оказывается стоящим перед Богом? Взгляд в сердце, представление себе себя – взгляд внутрь. Как из этого возникает другое действие – представление себя, предстояние перед Богом? Поскольку это тоже взгляд внутрь, есть ли тут вообще какая-то разница? Она есть и уже знакома нам – отделение. Когда сам себя от себя отделил, то предстал перед Богом? Или с отделением сердца отделяется Бог, и тогда человек наконец Его замечает? В любом случае, так обычно и происходит: человек замечает существование Бога или обретает Его именно тогда, когда в минуту горя или счастья заглядывает себе в сердце, спрашивая, почему я такой, какой есть, почему со мной происходит то, что происходит. И разве где-то еще можно найти кроме как внутри: «[...] Постоянная молитва это раскапывание того, докапывание до того что уже есть во всех [...]. Мы сначала относимся [...] к Богу. Это значит, что нам не надо смотреть дальше чем в нас самих [...]»³⁸. Как и внимание, Бог нам дан, находится внутри нас, но, чтобы обрести данное, мы должны заметить, обратить внимание. Парадоксальная ситуация человека. Здесь слово «должны» напоминает о встроенности закона, Бога в человеческую природу. Именно об этом говорит нам философ: забота и Бог всегда есть и всегда рядом³⁹. Закон действует в нас даже в привативе – то есть и тогда, когда нарушен: когда заботы и Бога нет, мы это особо, остро чувствуем. Данность, встроенность действующего закона, заботы, Бога В.В. Биbihин называет автоматом.

(Автомат.) Всматриваясь в представленное, спросим: почему Странник в молитве, заглядывая сквозь грудную клетку, концентрируясь на телесном сердце, оказывается перед Богом. Какая связь между телом и Богом или, скажем, между телом и радостью? Этот вопрос задан не для того, чтобы ответить (ответить не сможем), а для того, чтобы обратить внимание – дело обстоит именно так. Монахи в специальных практиках искусно используют данную связь через внимание к дыханию, сердцебиению, добываясь непрерывной молитвы, общения с Богом и даже обожения (в исихазме, например; наследником этой православной традиции является Странник).

Философ говорит, что человек, поскольку в него встроены закон, Бог, является автоматом, самодвижущимся в переводе с греческого. Куда встроены закон, Бог? В тело, как мы только что сказали. В.В. Биbihин говорит об этом всем своим «Лесом», уточняя: хотя и несомненно, что грань между телом и душой, физическим и духовным, материальным и идеальным существует, очевидна, но при внимательном взгляде мы обнаружим, что точно определить, где заканчивается одно и начинается другое, так никогда и не удастся. Эта точка схождения уводит в бесконечность, ставя нас перед неизбежной апорией сродни тем, в которые упирается наука физика (частица или волна), биология (мужское или женское, животное или растение, органическое или неорганическое, живое или мертвое). Разница между телом и душой очевидна, но ни четко отделить одно от другого, ни знать, где пролегает граница, отделяющая одно от другого, невозможно. Такова наша ситуация. Именно проблема явной, но неопределимой границы оказывается сквозной мыслью, связующей столь разноплановые темы лекций «Лес». И это отрицательное знание очень важно. Что оно значит для нас? Странник, например, хочет божественного всего себя. В.В. говорит, что это не узкопрофессиональное, сугубо монашеское дело, а общечеловеческое дело молитвы, внимания⁴⁰.

И вновь мы пускаемся в разбирательство. Есть автоматы и автоматы. В тексте мы найдем различие четырех автоматов. Все они самодействующие, самодвижущиеся. Первое противопоставление В.В. Биbihина, ссылающегося на Филона Александрийского, заключается в следующем: «так называемые современные автоматы прямая противоположность настоящим», которые человек создать не может⁴¹. Иными словами, механические, даже снабженные электроникой, современные машины – автоматы ненастоящие⁴². Настоящим автоматом, без

³⁸ «Лес». С.42.

³⁹ «Не движется создатель, он вечно близок». «Лес». С.44.

⁴⁰ «Лес». С.29-30.

⁴¹ «Лес». С.30.

⁴² Стиральная машина – пример ненастоящего автомата, который приводит В.В. «Лес». С.233.

*Л.Кришталева Феноменология метода:
чтение 1-3 лекций В.В. Бибихина «Лес»*

сомнения, является живое существо со встроенным законом-двигателем, например, кошка или человек. О существовании встроенного закона оно может не знать, не помнить (кошка), а может знать, заботиться об исполнении, помнить (человек) – вот еще одно противопоставление. Настоящий автомат имеет цель – спасение, оправдание того живого существа, в которое он встроен⁴³, независимо от того, оно исполняет слепо или сознает, помнит свой закон. Работа сознания в этом деле неважна, говорит В.В. Реакции, рефлекс, строение, этапы развития – все уже заранее дано кошке. Она не может не действовать так, как она действует. Кошка не может вмешиваться в работу своего автомата – данное невмешательство включено в ее закон. У человека в действие закона заложена возможность его не-исполнения. Это и есть свобода? Свобода от встроенного закона, от автомата? В.В. Бибихин говорит: свободу «дарит иго, скованность ужасом от слепоты»⁴⁴. Из текста мы знаем, что иго – это закон Бога, то есть закон, данный человеку во исполнение его собственной природы. В следовании закону осуществляется природа человека, действует автомат. То есть закон и есть природа, автомат. Закон дарит свободу, говорит философ. Мы знаем, что закон стесняет, сужает возможности, ограничивает, ставит в рамки. Как это может быть связано со свободой? Почему ужас и слепота дают свободу? Из прочитанного мы можем сделать вывод, что они так же, как и закон сковывают⁴⁵. Парадоксальные вещи говорит философ. Мы знаем, что свобода – это когда можно или можешь. Какие возможности открываются человеку, скованному страхом, слепотой, игом, законом? Напрашивается самый простой ответ, формальный вывод из уже сказанного: возможность не отменять действие автомата. И это сухое формальное умозаключение подтверждают дальнейшие различия.

Действие закона может быть «автоматичностью без нас, так что мы со стороны наблюдаем автомат, запускаем его»⁴⁶. Ей противоположен автомат, в котором человек «тонет». Пример такого автомата – самодвижная молитва. Почему надо обязательно «тонуть» во встроенном законе, а контролировать, запускать или отключать его в нужный момент недостаточно для спасения, оправдания? Иначе для чего нам дана свобода, разве не для того, чтобы управлять управляющим нами автоматом? Нет, не для этого, полагает философ. Свобода дана, чтобы отдать себя действию автомата. Дана только для того, чтобы тонуть с радостным криком «тону»? Похоже, что да. И это действие отдачи себя похоже на выставление себя перед Богом в молитве, когда человек ничего не просит, ничего не приобретает, а только подставляется⁴⁷, похоже на стояние в апории, когда человек ничего не узнает, не получает ответа, а только смотрит.

Философ говорит, что важно спасение и оправдание, а не сознание. К тому же не только человек радуется – и животное радуется. Зачем вообще нужна произвольность в работе автомата, исполнении закона? Ведь свобода все усложняет, делает таким ненадежным исполнение закона, ставит работу автомата под угрозу сбоя и срыва?

(Свобода.) Произвольность, зазор свободы есть в автоматичности, когда закон исполняется, но без поглощенности, без радости, механически, без сердца. Здесь уже заложена возможность несрабатывания автомата. Иными словами, возможность не-исполнения закона кроется в человеческом не-желании, в данном случае пока что только в отсутствии радости исполнять. А когда возникает нежелание исполнять, или хуже – желание не исполнять, не подчиняться закону, ломать навязанный автомат? (Кстати, мы не замечаем, как много сил и времени жизни отдаем этому противостоянию своей природе, автомату.) В.В. Бибихин отвечает на этот вопрос: когда включается механизм Каина, когда Бог не принимает жертву. Каин принес жертву, Бог ее не принял. Каин огорчился, позавидовал брату, чью жертву Бог принял, и убил его. Почему Бог не принял жертву,

⁴³ «Лес». С.30.

⁴⁴ «Лес». С.48. «Скованность ужасом от слепоты» - иными словами, мы немногим отличаемся от автомата, действующего в кошке, если слепота дает человеку свободу. Мы пытаемся прояснить – какую.

⁴⁵ В другом месте мы читаем: «Он сохраняет человечество. Закон как сковывающий ежеминутно» «Лес». С.26.

⁴⁶ «Лес». С.33.

⁴⁷ «Лес». С.49.

мы не знаем. В Библии не написано. Будем думать феноменологически – только о том, что нам открыто.

Во всех религиях во все времена человек приносит Богу, богам жертвы – кровавые и эфемерные, вынужденные и искупительные, убажжающие и благодарные. Жертва – часть молитвы, часть особой экономики, обмена между человеком и Богом. Если человек просит дать, то и сам дает, нарушил – откупается, боится – подкупает. Таковы жертвы, когда действует закон, хватка, когда молитва – просьба. А какова жертва, есть ли она, когда действует благодать, когда человек выставляет себя перед Богом в молчании, подставляется, отдает данное, не оставляя себе ничего и ничего не прося? Можно было бы сказать, что это все и есть жертва, если знать ответ на вопрос: благодать дается за что-то или даром. Но ответ знать и не обязательно, потому что благодарность – такая же начальная, фундаментальная вещь в человеке, как и благодать.

Почему Бог не принял жертву – не та жертва, не так принесена, не с тем чувством – мы не знаем. Знаем, что у Каина поникло лицо. Действительно, почему мы сильно расстраиваемся, когда наш подарок дорогому человеку не понравился, не важно, размер не подошел или просто посмотрел и в сторону отодвинул? Что дает нам подарок, когда мы его подарили, и он был с радостью принят? С подарком мы незаметно для себя передаем другому себя. А его радость возвращает нам нас, но уже других. Каких? Принятых и оправданных, одаренных радостью и любовью. Вспомним и то, как и каким подарком мы радуемся? Больше всего тем, в которых светится любовь и внимание к нам, или тем, в которых мы видим присутствие, залог важного для нас человека. Удивительные вещи; мы не понимаем их умом, но видим, ощущаем сердцем.

Каин огорчился и позавидовал, заревновал. Ревнование, зависть, страх входят в экономику отношений с Богом. Да и сам Бог ревнив: призывает человека, отрывая от других богов, требует подчинения, накладывает иго и крепко держит узами закона. Читаем: «От человека зависит хотеть себе открытого лица и бояться поникшего лица или подавить в себе этот страх, как Каин подвил в себе страх перед своей рассерженностью, завистью [...]»⁴⁸. Иными словами, философ говорит, что для человека бояться зависти, страшиться страха губительнее, чем чувствовать, переживать саму зависть и страх. Почему губительнее? Зависть и страх поддерживают желание открытого лица. А страх страха и страх зависти, наоборот, гасят. Отказ от плохих чувств губительнее самих чувств, потому что человек распоряжается собой, своим автоматом. Ведь чувства приходят к нам сами – то есть, говоря словами В.В., автоматически. Их надо выставить перед Богом, говорит философ, а не прятать. Каин же утаил, не признался в убийстве, солгал, отвечая на вопрос Бога, где брат. В результате – двойное преступление: убийство, а вслед за ним сокрытие-ложь.

Следуя этой логике, возникает следующий вопрос: а разве страх зависти, страх злости, страх страха возникает в нас не сам, не автоматически? Кто во мне все это испытывает: сначала страх, потом страх страха? Вновь открывается дурная бесконечность... Выйти из нее легко и просто, мы уже знаем, как: и это, и это, и это, и страх зависти, и страх злости, и страх страха выставить на свет. И тогда Каин не убил бы брата?

Почему Каин убил Авеля? Философ отвечает – из страха перед своими плохими чувствами, вернее, перед теми чувствами, которые человек считает плохими и разрушительными⁴⁹. Обратим внимание: наши чувства разрушают, язвят, разъедают, мучат нас же. Возникает вопрос: насколько наши чувства отличаются от нас, не равны, не тождественны нам? С одной стороны, мы слиты со своими чувствами, с другой стороны, все может расколоться, расщепиться, распасться. Когда мы и наши чувства – одно, а когда разное до разрушительности? Когда наши чувства разрушают нас, а когда мы разрушаем свои чувства? Каковы мы и каковы наши чувства, если одни могут разрушать других? Кто мы и что такое наши чувства, откуда они возникают? Мы уже задавали похожие вопросы, говоря о двойниках. Все может и должно быть отделено. И действительно отделяется – в самой обычной, повседневной жизни, а не только в каком-то особом, религиозном или медитативном опыте.

⁴⁸ «Лес». С.25.

⁴⁹ «Спасительный страх больше всего пугает, люди боятся страха». «Лес». С.51.

*Л.Кришталева Феноменология метода:
чтение 1-3 лекций В.В. Бибихина «Лес»*

Не желая, чтобы зависть его разрушила, Каин сделал худшее – убил брата, иными словами, разрушил двойника. (Бибихин двойника называет также близнецом, то есть братом.) И разве это не происходит в обыденной жизни? Сплошь и рядом. Например, когда человек влюблен (фактически тот же дар, принесение себя в дар), но без взаимности (не принятый дар). Как часто вместо того, чтобы прожить боль, человек торопится отсечь часть души, убить двойника (себя, мучительно любящего, и тем самым внутри себя любимого человека). Этим «отпускают, упускают заботу»⁵⁰, говорит В.В. Бибихин. Философ называет это «механизмом Каина, “пусть будет хуже, тем лучше”»⁵¹. Механизм вопреки закону направляет человека к гибели вместо спасения – отключает автомат. Вот теперь мы можем ответить на вопрос, почему свобода заключается в сковывающем законе – потому что закон не дает включиться механизму Каина, не дает отключить автомат.

Человек – автомат. Мы прочитали у В.В. Бибихина, сами говорили об этом, и все равно мысль звучит непривычно, режет ухо, цепляет внимание. Потому ли что противоречит нашим привычным представлениям о свободе? То, что тело – самодвижущееся, более или менее понятно и заметно нам. Сердце само бьется, кровь в жилах сама течет. Дышим – не можем не дышать. От нас не зависит. Или зависит? Можем решить не дышать. Но знаем, что умрем. Поэтому дышим. И контролировать можем: например, дышать глубже, чтобы успокоиться. Влиять можем: например, опосредованно – с помощью лекарств или непосредственно – радостью-горем, мыслью (как делают тренированные люди). В любом случае, автомат изначально есть, и он работает. Включен. Исправен или нет – другой вопрос. Каким-то образом этот автомат зависит от нас. Человеку всегда было интересно знать, как именно. Когда мы все это отчетливо замечаем, всякий раз встает вопрос: где граница между мной и моим телом, между мной и моим.

Сказанное о теле справедливо и для ума, и для сердца. Эти автоматы столь же неприступные, неподвластные в своем самодвижении. Действительно, мысли в ум приходят сами, чувства – в сердце. Но и на них мы можем влиять. Автоматы тела, сердца, ума нам даны, но мы часто вмешиваемся в их деятельность: соблюдаем диеты, пытаемся глубже дышать, контролировать эмоции, следить за речью и т.д. Важно знать, насколько наше вмешательство хорошо для нас и нашего автомата. Нам дано это знать? Когда останавливаем дыхание, быстро и легко замечаем, что автомат вот-вот сломается, и мы умрем. А когда запрещаем себе о чем-то думать или испытывать какое-то чувство, например, злости или зависти, так ли быстро и легко замечаем, что происходит с нашими автоматами, с нами? Чаще не замечаем.

Подведем итоги этого небольшого исследования, несомненно, требующего своего продолжения. В первых лекциях «Леса» прочитывается определенное понимание человека, которое, с одной стороны, опирается на традицию мысли, философской и религиозной, а с другой стороны, звучит ново. В.В. Бибихин вслед за Аристотелем ведет поиск своеобразия человеческого, опираясь на понятия автомата, ближайшего и двойника, Бога и свободы, внимания и молитвы, закона и благодати, доли и хватки. Философ говорит о том, что в человеке укоренены некие движущие им структуры – «автоматы» тела, ума, сердца, некий закон, то, что традиционно называют человеческой природой. Однако осуществление закона человеческой природы – стремления к спасению, правильная работа того, что В.В. называет автоматами, актуализация структур ничем не обеспечена, зависит только от самого человека, от его заботы. В этом заключается парадокс неопределимости человека, на которую в своих рассуждениях и опирается мыслитель.

Не менее важным и ценным результатом медленного чтения лекций «Лес», на наш взгляд, является сам опыт внимания, которому мы причастились благодаря В.В. Бибихину, опыт живой мысли здесь и сейчас, приглашающей и нас быть здесь и сейчас. Это серьезная философская школа, и она учит мысль быть, учит, что мысль – бытие.

ЛИТЕРАТУРА

Бибихин В.В. Лес. СПб.: Наука, 2011.

⁵⁰ «Лес». С.25.

⁵¹ «Лес». С.26.